

Патриарх Никон

и его противники в деле исправления церковных обрядов.

Каптерев Н.Ф., 1911 г.

Глава V. О попытках при патриархе Иосифе устроить в Москве школу с помощью ученых греков и киевлян

Патриаршество Иосифа замечательно и в том отношении, что в его время со стороны светского и духовного правительства проявляется особенная заботливость о распространении у нас просвещения. Эта заботливость сказывается прежде всего в усиленном издании разных отеческих произведений и книг учительного характера вроде Кирилловой книги, Книги о вере, малого Катихизиса (который издается, как говорит предисловие, "ради учения и ведения всем православным христианом, наипаче же детям учащимся"), общеобразовательных вроде грамматики Мелетия Смотрицкого. При издании самых церковных книг видна та же заботливость о распространении просвещения. Иосифовские книжные справщики вносят в наши церковные книги разные не печатавшиеся в них ранее статьи, которые бы содействовали более сознательному и разумному усвоению церковных книг, вносили бы в чтение их большую осмысленность и оберегли бы читателей от разных грубых ошибок и погрешностей. С этой именно целью в Псалтырь, например, эту самую любимую и распространенную между грамотными книгу, вносится особая статья о великом значении креста для христианина, о том, как следует знаменовать себя крестным знамением и что этим исповедуется; или же вносится такая статья - "наказание ко учителем, како им учить детей грамоте и како детям учиться божественному писанию и разумению", причем указываются и те грубые ошибки, в которые могут впасть обучаемые и на что учителям следует обратить особенное внимание, рекомендуется, чтобы ученики читали неспешно, усвоили бы разум читаемого, так как грамотное учение "дело Божие есть" и потому не допускает небрежности. А самим учителям, если они окажутся не особенно сведущими, рекомендуется: "и вы зрите в самую грамматику, и в ней подробну вся узрите".

Сознание необходимости не только осмысленного чтения церковных книг, необходимости усиления религиозного просвещения, но и сознание необходимости правильного научного образования все более укоренялось в передовом русском обществе времен патриарха Иосифа. С особенной силой и убедительностью говорит об этом предисловие к грамматике Смотрицкого. Здесь прежде всего указывается на то, что знаменитейшие отцы церкви Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин и другие святые изучали различные науки - грамматику, философию, риторику, землемерие, астрономию; что ради обучения наукам они покидали родину и посещали различные города, где только находились какие-либо знаменитые учителя; что они не только сами изучали различные науки, но и считали

изучение их необходимым для всех условием правильного понимания и усвоения Св. Писания, необходимым условием истинно христианского мирозерцания и даже самой христиански благочестивой жизни. Ввиду этого составители предисловия с особенной силой вооружаются на противников и презрителей внешнего научного образования. "И внешнее (образование), - говорят они, - еже мнози от христиан ненавидят и отместят, яко пакостно и наветно и от Бога разлучающе, - *се же глаголют зле* рассуждающе; ибо понеже неции от внешниа премудрости повредишася умом, восхотевши смыслити о небеси и о прочих тварех, мы же о сих добре разумевающе, елика потребна к животу и наслаждению сия плодствим, елика же вреждающая, отметаем... тако убо и о еллинских учений: елико есть испытательно и зрительно сущих по естеству сия прияхом, елика же лестна и пагубна, сиречь боготворения бесовом и другая, подобная сим, отвергохом, паче же от тех учении пользовахом благочестивии. Темже не подобает укоряти и бесчестовати наказания, якоже мнится неким неискусным сущим и не имущим разума, еже разделите лучшее от горькаго; аз убо глаголю, яко иже бесчествуют наказание, тии сами ненаказани суще и велят ВСЕМ ненаказанным быти, даже от нерадения злая творяще, не обличаеми будут по реченному, яко отринута чувство и обличающего во вратех возненавидеша; все бо исповедуем, яко честейше есть учение в нас и наказание сущих благ". Указываются примеры святых искателей любомудрия: "К. сраму же и заткание уст неблагоприятных и поношающих быти любомудрию, да посрамятся убо иже не внимающи во учение словесы болословец, паче же и укоряющие сие и инем възбраняющи, воспрославят же ся от Бога и человек, иже то проходящия... Простится же убо еже ненаучения согрешение, аще точию не от лености происходит. А еже с ненаучением имети разума кичение, люто есть и ненавистно, и прощения всякого недостойно, и более да не глаголю крайнего ненаучения знамения...". С особенной силой восстает против тех, "иже в писаниих божественных словес разуму непрележаще", которые говорят, "яко несть нужда еже испытовати писания и учения многа". Возражающим, что в Св. Писании много "неудобо разумна нам являются" и потому читать и понимать его трудно, дается совет "недоведомая" прочитывать много раз, а если и после этого останется непонятным, "шествуй к премудрейшему учителю и вопроси глаголемых и много покажи потщание" и тогда Господь, видя твое усердие, "откроет ти всяко". В частности, в послесловии о необходимости изучения для каждого грамматики говорится, что не изучивший ее "и в писаниих покушаяся исследити, аще и зело преимея разумом будет, всячески погрешити имать: како бо кому взыти возможно на последния степени, первых не причащшуся; или како разрешите возможно в писаниих обретаемя творческие силлогизмы, паче же писати и читати и глаголати добре, аще не сей кто первее приобщився"*.

* Нелишним считаем сопоставить эти воззрения действительных книжных иосифовских справщиков на науку и научное образование с теми воззрениями на этот предмет, которые имели *предполагаемые* книжные иосифовские справщики Аввакум, Лазарь и др., чтобы еще раз видеть всю прямо бросающуюся в глаза несообразность этого

предположения. Аввакум говорит, что Дионисий Ареопагит "прежде даже не приити в веру Христову, хитрость имый изсчитати беги небесные; егда же верова Христови, вся сия вмених быти, яко уметы. К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: дитя, али не разумеешь яко вся сия внешняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть и тля и пагуба... Изсчитати беги небесные любят погибающии, понеже любве истинныя не прияша, во еже спастися им: и сего ради послет им Бог действие лъсти во еже веровати им лжи, да суд примут не веровавшии истине, но благоволиша о неправде". В другом месте: "Алманашники и звездочетцы и вси зодейщики познали Бога внешнею хитростию, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своею мудростию начинающе, якоже первый блядивый Неврод, и по нем Зевес прелатай, блудодей, и Ермис пияница, и Артемида любодеица, о нихже Гранограф и вся кронники свидетельствуют, таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша... Все христиане от апостол и от отец святых научени быша смирению, и кротости и любви нелицемерной; с верою непорочною и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достигают не мудрости внешняя поразумевати и луннаго течения, но на самое небо восходят смирением... Виждь, гордожец и алманашник, где твой Платон и Пифагор! Тако их, яко свиней, вши съели и память их с шумом погиге, гордости их и уподобления ради к Богу. Мои же святии, смирения ради и долготерпения, от Бога прославишася и по смерти обоготворени быша, понеже и телеса их являют в них живущую благодать Господню, чудесьми и знаменьми яко солнце, повсюду сияют"... "Так-то и нынешния алманашники, слышал я, мало покоя имеют себе: и ветхая испражнять поидет, а в книжку поглядит, здорово ли испразд-нится. Свиньи и коровы болши вас знают, - пред погодою вижжат, да ревут, да под повети бегут: и после того дождь бывает. А вы, разумные свиньи, лице небу и земли измеряете, а времени своего не искушаете, како умереть. Горе, да только с вами, с толстыми быками!" "И кроме философии и кроме риторики и кроме грамматики мощно есть верно сущу препрети всех противящихся истине". - "И мы, Михайлович, станем поучатися, как нам умерети, и ум вперим к Богу всегда да полезнее нам будет тамо, егда обрящемся со Христом, нежели с риторикою славы ища, быти кроме Христа. Молю Бога ввечер и утро и полудне еже бы тебе не желати риторики кичения ради, но искати распятого Христа. - Христос не учил нас диалектики и ни красноречия, потому что ритор, ни философ не может быти христианин. Аще кто от христиан не истощит от своего помышления всяку премудрость внешнюю и всяку память еллинских философов, спастися не может. Премудрость еллинская мати всем лукавым дохматом. Сократа философа еллинского вши съели, Платона в ссылку сослали и тамо зле исчез, понеже хотел ново житие в людех поставити". Дьякон Федор свой взгляд на значение науки и образования вообще высказал в своем разговоре с иконийским митрополитом Афанасием. Митрополит спрашивал Федора: "Платона и Аристотеля читал ли?" - Федор: "Которая польза такая книги честь? Не чту аз таковых книг". - Митрополит: "А когда ты не читал, не знаеши ничего". - Федор: "На что мне тыя книги чести еллинских безбожных поганых философов, котория в болваны веровали и о тщетной мудрости упражнялися, а спасения себе не искали!" - Митрополит: "А грамматику учил ли, или читал?" - Федор: "Разумею отчасти; грамматика не вере учит, но как которое слово добрт. глаголати и праве писати.

То мое о Христе учение: восточная святая церковь книги и правые догматы. Митрополит: "А богословию учил ли еси"? - Федор: "Богословию Христа моего разумею отчасти, - потрудился, отче, - и сего ради добре во Христа верую и вем". - В другом месте Федор так определяет круг необходимых знаний: "И ты, чадо мое животное, Максиме, аще знаеши тех мнящихся быти учителей и наставников погубели и во тме неведения шатающихся, вели им прочести с трезвым умом и с чистою совестью четыре Христова евангелия, изряднее же сына Громова богословие, и прочих святых апостол проповедь вселенную, и святых семи соборов и девяти поместных деяния и правила их пройти, к сим же святая учительная слова прочести с разумом и со известным испытанием, да к тому же и вся службы на господския двенадесятая праздники просмотри, стихеры и славники, и ирмосы и каноны, богомудрых творцов грядения, да научатся от тех всех и громогласно с ними же всеми святыми согласно исповедят в Троице единого Бога...". С своей стороны, Лазарь в челобитной государю говорит: "Царю благородный, вем ты благоразумна и мудра суца и чуждуся, како времени сего не испытуети! Имеешь у себя мудрых философов, рассуждающих лице небеси и земли и у звезд хвосты аршином измеряющих: и таковых глаголет Спас лицемеры быти, яко времени сего не испытают, а ты, государь, таковых чесных имаши и различными брашны питаеши и благовонными питиями напояеши, и хочещи внешними их плетухами власть свою мирну управити!"

Но одними заявлениями о важности и необходимости научного образования при патриархе Иосифе уже не ограничились, а стали деятельно стремиться основать в Москве, с помощью ученых киевлян и греков, настоящую школу, в которой бы русские могли получать правильное научное образование. В 1640 году наместник киевского митрополита старец Игнатий, будучи в Москве, подал государю челобитную, в которой от имени митрополита Петра Могилы заявил, что "смирный отец митрополит киевский Петр паче всех прошений своих изрядное бьет челом твоему царскому величеству, пожалуй, благочестивый царь, и повели в царствующем своем граде, благодатию и казною своею царскою, монастырь соорудить, в котором бы старцы и братия общежительнаго киевскаго братскаго монастыря живучи, о твоем царском величестве и о благоверной царице твоей и о Богом дарованных царских чадех величества твоего беспрестанно Бога молили и детей боярских и простого чину грамоте греческой и словянской учили. Дело то Богу угодно будет и твоему царскому величеству честно, и во всех странах преславно. Аще возможно величеству твоему в сем прошению отца митрополита киевского пожаловати благодатно, яко милосердный царь и светило всему православному роду российскому, по воли своей государство сотвори, а отец митрополит киевский твою государскую волю вскоре исполнит и старцев со учителями пришлет". Но на этот раз предложение киевского митрополита в Москве не было принято. Тогда, в 1645 году, в Москву прибыл за милостыней палеопатрасский митрополит Феофан, который подал царю особую челобитную, и в ней между прочим заявлял: "Да повелиши быти (в Москве) греческой печати и приехати греческому учителю учить русских детей философства и богословия, греческаго языка и по русскому". Ходатайство Феофана

принято было в Москве благосклонно, тем более, что он сам вызвался подыскать для московской школы подходящего учителя и действительно прислал в Москву "для печати и учения" константинопольского архимандрита Венедикта. Но в Москве Венедикт своим учительским самохвальством, мелочной притязательностью и неблагоприятными поступками произвел крайне неприятное впечатление и потому был отослан назад. После этой неудачной попытки основать школу в Москве с помощью греков постельничий Федор Ртищев решил привести в исполнение проект, в 1640 году предложенный киевским митрополитом Петром Могиллой, об основании в Москве монастыря, в котором бы вызванные из киевского братского монастыря иноки "детей боярских и простого чину грамоте греческой и славянской учили". С согласия и по благословению патриарха Иосифа возникает близ Москвы Андреевский монастырь и населяется иноками из разных южнорусских монастырей. В 1649 году само правительство вызывает в Москву ученых киевлян для перевода Библии с греческого языка на славянский и, как значится в одной официальной справке, "для риторского учения"*.

В 1649 году в Москву приезжает иерусалимский патриарх Паисий, а с ним его дидаскал грек Арсений, который ранее жил в Киевской Руси и знал славянский язык. Наше правительство оставляет Арсения в Москве в качестве учителя риторики в имеющейся открыться в Москве школе. Но этого мало. Царь обратился с просьбой к бывшему тогда в Москве иерусалимскому патриарху Паисию, чтобы он по возвращении на Восток позаботился приискать между учеными греками благонадежного учителя и прислал его для учительства в Москву: об этом свидетельствует грамота патриарха Паисия к царю в 1653 году, в которой он, посылая в Москву в качестве учителя для московской школы митрополита Навпакта и Арты Гавриила, пишет: "Повелели нам, богомольцу вашему, радети и обрести единого учителя премудраго и православнаго, и не имел бы никакого пороку во благочестивой вере, и был бы далече от еретиков, и послати б нам иво ко святому вашему царствию поклонитися, да учинит учительство и учит еллинский язык, якоже она есть древня от иных язык, понеже она корень и источник иным". В то время, когда Ртищев и сам государь озабочивались устроить в Москве школу, которая бы служила рассадником научного просвещения для русских, и патриарх Иосиф, с своей стороны, тоже хлопотал о том, чтобы подыскать на Востоке между православными учеными греками подходящего благонадежного учителя для московской школы. Хлопоты об этом патриарх возложил на известного грека Ивана Петрова Тафрала, служившего нашему правительству в качестве тайного агента по сношениям с православным Востоком. Иван Петров исполнил поручение патриарха Иосифа и в 1649 году доносил ему: "Даю ведомость о некотором учителе смышленном еллинскому языку и рассудителя евангельскому слову и имя ему Мелентий, прозвище Сирих, что такова учителя второго не обретается во всей вселенной и ни в котором месте, и дал свое слово - хотел придти сюда к благочестивому царю и святейшеству вашему. А будет изволение благочестиваго царя и великаго князя Алексея Михайловича, самодержца всея Руси, и произволением святительства вашего, изволите дати грамоту мне, да он придет сюда, и челом бую, да мне о том учини указ и подай ответ"**.

* В одном рукописном сборнике XVII века тоже говорится, что Епифаний был вызван царем в Москву "ради научения славено-российского народа детей еллинскому наказанию".

** О попытках устроить в Москве школу с помощью греков см. нашу книгу: Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885, с. 481-516.

Таким образом, уже во время патриарха Иосифа в известной части передового московского общества ясно была признана несостоятельность нашей предшествующей умственной жизни, открыто была признана необходимость науки и образования, и, как естественный результат этого сознания, уже при Иосифе явились усиленные хлопоты об учреждении в Москве правильно организованной школы, во главе которой стояли бы или ученые киевляне, или ученые греки*. Следовательно, тот переворот в нашей умственной жизни, когда старая московская, основанная на крайне односторонней книжной начитанности ученость вместе с старыми московскими сборниками и другими продуктами старорусского писательства признаны были несостоятельными, неудовлетворяющими более современным запросам и потребностям жизни, когда признана была необходимость усиленных литературных заимствований из южнорусских произведений, необходимость более тесного сближения с образованными киевлянами и греками, чтобы с их помощью перенести науку в Москву и при посредстве правильно устроенной школы прочно водворить ее здесь, - этот в высшей степени важный переворот в нашей духовной жизни начался и в известной части общества совершился уже при патриархе Иосифе, время которого, с этой стороны, несомненно было временем прогрессивным, временем того поворота в умственной жизни русских, который в конце концов привел их потом к тесному сближению с образованным Западом.

* Обыкновенно все заботы об устройстве в Москве школы и вызов ученых киевлян и греков в Москву стараются приписать влиянию Никона, видят в этом только его личное дело. Но думать так несправедливо. Никон, насколько теперь известно, вовсе не заботился об устройстве в Москве школы. Это видно из следующего. Когда иерусалимский патриарх Паисий был в Москве (1649), то царь, конечно, с согласия и одобрения патриарха Иосифа, просил Паисия, чтобы он и другие патриархи приискали на Востоке хорошего, строго православного учителя грека и прислали бы его в Москву для учительства. Паисий исполнил эту просьбу царя только в 1653 году, когда московским патриархом был уже Никон. В качестве учителя Паисий прислал в Москву митрополита Навпакта и Арты Гавриила Власия, о котором писал царю: "Избрали есми достойнаго о таком деле, яко сего преосвященнаго Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всеа Италии, премудраго учителя и богослова великия церкви Христовы, о Святом Дусе возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смирения господина Гавриила Власия, якоже такова в нынешних временах в роде нашем не во многих обретаецца... А только будет произволит царствие ваше быти учительству, и он готов есть побыти, колико время ему возможно, а

мы ему также обещались, что ему имети волю свою, а будет благодарить великое ваше царствие. И он побудет и много время, покаместа ученики от него отойдут, и противлятися будут с еретиками, и ответ будут давать обо всяком вопрось, и будет благодаритися великое ваше царствие, и все бояре и князи, и будещи оставити вечное воспоминание в похвалу и славу от всех царств и королевств". С своей стороны, и константинопольский патриарх Иоанникий писал царю о митрополите Гаврииле, что он "и богослов и православный в роде нашем, и что произволит великое ваше царствие от него вопро-сити от богословия и изыскания церковнаго, о том будет ответ держати благочестно и православно, якоже восприяла благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь". Но и помимо этих рекомендаций восточных патриархов русское правительство уже ранее хорошо знало Гавриила Власия, который, проживая в Молдавии в качестве учителя, не раз присылал на Русь, как ее доброхот, отписки с политическими вестями и, кроме того, ранее прислал в Москву две книги: одна - Мелетия, патриарха александрийского, против иудеев, другая - грамматика, причем обе книги были писаны "еллинским и словенским языком". Таким образом, митрополит Гавриил удовлетворял всем требованиям, чтобы быть принятым в Москве в качестве учителя: об его православии, выдающейся учености и способности к учительству торжественно свидетельствовали своими грамотами сами восточные патриархи, он был уже известным доброхотом русского правительства, он знал славянский язык и уже ранее присылал в Москву книги на греческом и славянском языках. А между тем Гавриил не остался в Москве учителем, но был отослан назад, хотя патриархом теперь уже был Никон, предполагаемый ревнитель и поборник учреждения в Москве школы с помощью ученых иностранцев. Это очень странное явление можно бы, пожалуй, объяснить тем, что Никон, вероятно, имел какие-либо веские для него причины не поручать именно Гавриилу устройство в Москве школы, а хотел передать это дело в более верные и лучшие, по его мнению, руки. Но в действительности этого не было. Из всего времени патриаршества Никона мы не только решительно не имеем никаких данных, но даже и намеков на то, чтобы Никон сколько-нибудь думал и заботился об устройстве в Москве школы, хотя времени для этого у него было достаточно, а его выдающееся влиятельное положение, его тесные связи с греками и киевлянами давали ему полную возможность быстро и скоро осуществить мысль своего предшественника об устройстве в Москве школы. Между тем, мы видим явление как раз противоположное: незадолго до патриаршества Никона у нас идут горячие хлопоты о привлечении в Москву ученых, энергичные поиски подходящих учителей для задуманной московской школы; со вступлением же на патриарший престол Никона все эти хлопоты и поиски разом прекращаются и вопрос об устройстве в Москве школы совсем сходит с очереди. Ясно дело, что вопрос об устройстве в Москве школы был поднят и деятельно разрабатывался вовсе не Никоном, а другими лицами. Никон имел у себя под рукой нескольких ученых греков и киевлян, но они были оставлены в Москве не им, а еще Иосифом, и Никон воспользовался ими не для устройства в Москве школы, но только для книжных переводов и исправлений.